Архив

Эта фотография (сделанная на репетициях «Веранды в лесу» Игнатия Дворецкого в Театре на Малой Бронной весной 1978 года) сразу понравилась Анатолию Васильевичу Эфросу: «Подарите!» Потом добавил: «А моя книжка у вас есть? Нет? Я подарю». Решили, что обмен подарками состоится через несколько дней: сначала был пробный, подарочный следовало отмечать лучше. Но последние недели до премьеры режиссер провел «в нервах» и, правя ошибки, по собственному выражению, «вбивал голой рукой гвоздик». Словом, было не до стоцаразоблачения; потом оба мы забыли о нем. Суета сует и всяческая суета, как выражался один древний мыслитель...

Данный (1978 года) разговор, публикуемый сегодня, возвращает нас — после закупочных митингов и шествий последних двух театральных лет — к тому, на чем от века стоит театр: к искусству. К тому же автопортрет художника никакая фотография не заменит, как ничто не заменит его рассказа о себе...

Анатолий ЭФРОС: «Я — ЗА ТАКОЙ ТЕАТР...»

Не «на спор»

— Одни говорят, что театр начинается с машины, другие — с драматурга. Может, начнем не второпях? Вот вам — на чистом листе?

— Я? Часто эмоционально воспринимаю. Начинаю читать с предубеждением, потому что очень зависит и зачем не хватит времени. «Ну, прочтите — пьеса, наверное, нужна будет...» А я сразу думаю: «Ой, какой ужас! Зачем? Когда лучше ставить, то что я уже ставил?» Но все равно начинаю читать. Если ни смысл, ни стилистика на меня не действуют, то — нет. Если же я волнуюсь читая... Понимаете, у меня есть странная особенность: я мгновенно сразу становиться — вплоть до того, что испытывают физическую дрожь. Я всегда проверяю себя: если меня трясет, если я вижу эмоциональный заряд, то пьеса, бесспорно, мне.

— Если не трясет?

— То — нет. Ну, при всем том напоминаю пьесы, которые я ставил, как потом оказывалось, даже не прочитанные. Но они мне волновали. Как читателя.

— Помогите, пожалуйста, правильно рассказать формулу «драматургия — театр» сможет — пьесу, здесь она обращается в — не использовавшаяся на репетициях, обнимает в равном размере, можно — музыкальные и сценические... А теперь вернемся к началу: «Драматургия порождает и театр сможет...» — это верно?

— Надо бы подумать, чтобы ответить мудро... Думаю, все же наоборот... Скорей, так: драматург приносит нечто живое — с плотью, с кровью, нервами, мозгом, словом, живое существо. Но чтобы его понять, надо вернуться к сквозу. Нужно материализовать «страшным образом», чтобы понять, как все работает, увидеть все причинные связи — все, все. То есть возвратиться к тому, с чего каждый автор начинал, когда у него самого был скелет. А потом все должно снова обрасти мясом, кровью, жилами. И стать живым.

Я вот знаю: для меня пьеса живая, она сочится, она с тварями земными — ну, как еще сказать? То есть не сюжет.

— Говорят, как аналитик мы сильнее...

— Меня в этом обвиняют, и, может быть, даже правильно. Я сам знаю, что у меня процесс «сильнейшей» сильней, чем возвращения к объему. Но я не могу сказать, что мой недостаток — скорей, особенность. Допустим, «Вишневый сад» Я добиваюсь до скелета — мне — интересно, что, если его выражу, это и будет современное прочтение. У меня не хватает, может, чего-то, чтобы снова вернуться к многоэтажному классическому объему.

— Он стоеразмерно нужен. Но вам не хватает всего. Но... ваши доказательства — ваше — ваше — ваше